

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Юрий Стругов
Напрасный труд

«Автор»

2002

Стругов Ю. В.

Напрасный труд / Ю. В. Стругов — «Автор», 2002

ISBN 978-5-532-94996-6

Эту повесть можно было бы назвать «Как разрушалась сталь» - не антитезой Николаю Островскому, а наоборот – как логическое завершение грандиозного коммунистического проекта «Советский Союз». Все описанные события имели место быть, имена героев изменены. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94996-6

© Стругов Ю. В., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юрий Стругов

Напрасный труд

"Бывает труд ненужный, суетливый, нетерпеливый, раздражающий, мешающий другим и обращающий на себя внимание. Такой труд гораздо хуже праздности. Настоящий труд всегда тихий, равномерный, незаметный."

Л.Н Толстой ("Исповедь")

Глава 1

– Притормози-ка, Алексей, – сказал Егоров водителю, – прочитай, что там написано, у тебя глаза молодые. -

– Где? – спросил Алексей, останавливая машину.

– Да вон, на торце главного корпуса, – Егоров показал в сторону строящегося завода металлических конструкций, куда он и направлялся.

Через всю почти стометровую ширину цеха на светло-серой железобетонной стене по самому ее верху огромными черными буквами был начертан какой-то лозунг. Вчера его не было, точно, Егоров был вчера на заводе и не заметить его не смог бы. Но почему вдруг черными буквами, подумал он про себя.

А Алексей, у которого зрение было получше, напрягаясь, читал по складам: – НАМ ХОТЬ БРЕВ-НА КА-ТАТЬ, ЛИШЬ БЫ ЛЕ-ЖА.

– Вот это да! – Изумился Егоров, – поехали! -

Представлю моего героя.

Егоров Георгий Валентинович, сорок два года, управляющий строительным трестом. Он был обычный чиновник, принадлежавший к третьей, низшей, категории советского чиновничества, точнее к третьему его сорту. К этому сорту относились так называемые "хозяйственные руководители", то есть руководители промышленных предприятий, строительных организаций, совхозов и колхозов. Выше них стояли "советские руководители", то есть руководители "советов депутатов трудящихся", номинальных и в действительности совершенно безвластных органов власти, это был второй сорт. А вот высшим сортом были руководители партийные. В действительности только они одни и обладали реальным правом руководить всем, а, следовательно, строго говоря, только они и были настоящими руководителями.

Таких как Егоров были многие тысячи. Подбирались они по единым для всех отраслей "народного хозяйства" требованиям, до мелочей отшлифованных в кадровых службах партийных комитетов, что делало всех советских руководителей совершенно похожими друг на друга и в образе мышления, и в манере поведения, и даже во внешнем облике.

Впрочем, "образе мышления" это слишком. Одним из главнейших требований было как раз не иметь вообще никакого "образа мышления", а уж самостоятельного – ни в коем случае. Нужно было уметь безоговорочно и без промедления выполнять решения Партии. Или, по крайней мере, делать убедительный вид, что стараешься изо всех сил. Так что в нашем случае уместнее вместо выражения "образ мышления" употреблять "образ подчинения".

Нельзя сказать, что Егоров соответствовал этим требованиям вполне. Не очень, конечно, часто, но он всё же позволял себе иметь собственное мнение, и это, бывало, настораживало партийные органы. Но кто-кто, а они-то точно знали, что в стерильной обстановке советского общества эта болезнь не может стать заразной, и поэтому со снисходительностью неизмеримо более сильного прощали ему некоторое свободомыслие до поры, сочтя это формой безвредного чудачества. В остальном же он был как все.

Подъехав, Егоров вышел из машины и поднял голову. "Лозунг" был выполнен ничем не смываемой смесью битума с бензином, аккуратно и грамотно. Не были забыта даже запятая и мягкий знак в слове "лишь". Сделали это, конечно, рабочие – "химики", как их тогда называли.

Само это выражение "химики" появилось ещё в начале шестидесятых, когда Партия на одном из своих пленумов ЦК приняла очередное и, конечно же, особой важности постановление об ускоренном развитии, на этот раз, химической промышленности. А это означало, что нужно было строить сотни новых предприятий. Но кем, вот был вопрос. В стране уже стояли скелетами тысячи промышленных предприятий, начатых ещё в прошлых пятилетках по таким

же партийным решениям, но так и не законченных из-за дефицита рабочих и материалов. Но Партия уже накопила бесценный опыт и ответ на вопрос знала. Конечно же, заключенными.

Судам, которые как и всё в стране были собственностью партии, было предписано всех вновь пойманных преступников не сажать в лагеря и тюрьмы, а наказывать "условно", принудительной работой на стройках "народного хозяйства", развернувшихся по всей стране по постановлению пленума ЦК. Суды стали осуждать на труд.

Но таких людей не хватало, строек затеяли слишком много. Тогда судам было велено ещё и "условно" досрочно освобождать из лагерей и тюрем ранее осужденных преступников, но за не отбытые сроки донаказывать их трудом, направляя на те же стройки.

Официально эти две по сути очень схожие категории работников назывались внушительно и для посторонних не сразу понятно – "спецконтингент", а в обиходе просто "химики".

В результате на одной и той же стройке, плечом к плечу, одну и ту же мирную работу выполнял и добрый семейный человек, и насильник несовершеннолетних, для которого эта работа была избрана наказанием.

Конечно, в официальных документах была сделана оговорка, что "условное" осуждение и освобождение не относится к лицам, совершившим тяжкие преступления, но эта оговорка действовала очень избирательно, и, когда органам внутренних дел предстояло отчитаться перед органом партийным за количество людей, направленных в "народное хозяйство", на "химию" посылали всех без разбора, включая насильников, грабителей и убийц. Но, независимо от того, что натворил человек в прежней своей жизни, или от того, до или после отсидки он направлялся на "химию", у всех было одно общее, работать не хотел никто, нигде и никогда. И не работал.

Человеку со стороны лозунг, украсивший стену завода, мог показаться простым хулиганством. Егоров же знал, что это не просто хулиганство, а идеология, а на стене ее изобразили от радости, что есть страна, в которой эту идеологию можно безопасно исповедовать и совершенно беспрепятственно распространять.

Он зашел в прорабскую. Молодой бородатый прораб крутил расхлябанный телефонный диск.

– Читал? – спросил Егоров.

– Это ночью, – ответил прораб, – и сторож был... Вот звоню, чтоб дали гидроподъемник, с крыши-то неудобно. -

– Дай – ка я, – пододвинул к себе телефон Егоров, – а то тебе ровным счетом дадут. – и посмотрел на часы. Он спешил в Дальнереченск, за сто километров от города, там находился Биохимический завод, важнейший объект его треста и один из важнейших в Главке и даже самом Министерстве.

Специальным приказом Министра Егоров был назначен лично ответственным за его строительство, устно же ему было приказано руководить стройкой на месте и без чрезвычайной нужды её не покидать. Приказ Егоров выполнял, но поскольку обязанностей и ответственности управляющего трестом с него никто не снимал, и он вынужден был время от времени как бы украдкой бывать в городе, в Главке, в партийных органах, у себя в тресте и на других своих объектах. Ему, правда, до поры никто за это не пенял, но это только до поры, и Егоров всё равно чувствовал себя в своём городе как бы на нелегальном положении. Но сегодня он был в Хабаровске вполне легально и по чрезвычайно важному делу. На строительстве Биохимического ожидалось большое событие, приезжал Министр строительства, а с ним, так полагалось по его рангу, должен был быть и секретарь Крайкома. Уже несколько недель стройка готовилась к этому визиту, а последние дни эта подготовка стала лихорадочной.

Егоров вёз с собой только что утверждённые начальником Главка драгоценный документ – нанесённый на генеральный план завода маршрут Министра по стройке. Это был серьёзный документ, и не для посторонних глаз. Сам маршрут был прочерчен жирной красной линией.

Места остановок в процессе обхода обозначены красными же флажками, у каждого из которых были указаны фамилии тех, кто даёт пояснения именно в этом месте, и тех, кто находится рядом, для справок.

При каждом флажке был приведён перечень наглядной агитации, она должна встречать Министра, указаны бригады и фамилии прорабов, которые обязательно должны быть на виду. Допускалось, что неугомонный Министр вполне даже может подойти к ним для краткой беседы. На этот случай в примечаниях были предусмотрены варианты ответов на его возможные вопросы. Кружочками, квадратиками, ромбиками по маршруту обозначены машины и механизмы, которые в нужный момент должны попасть в поле зрения Министра и указаны фамилии ответственных за это. Здесь же можно было увидеть, где нужно сделать новый тротуар, козырёк или глухой, что-то скрывающий от глаз, забор, где нужно засыпать котлован или отвести воду, и много другой полезной информации. В Дальнереченске этот документ очень ждали.

Досадуя на непредвиденную задержку, он, все-таки, решил довести инцидент с лозунгом до конца. Дело было даже не в самом факте провозглашения такого лозунга, ничего нового для Егорова в его содержании не было, а в том, что именно сегодня сюда ожидался очередной визит японских специалистов из фирмы, которая поставляла технологическое оборудование на стройку и вела его шефмонтаж. Егорову очень не хотелось, чтобы их приветствовали таким непосредственным образом, тем более, что они, иностранцы, не участвовали в нашем заговоре молчания вокруг этой, ставшей всеобщей, проблемы.

– Разъяснили, – буркнул Егоров, набирая номер телефона своей диспетчерской, – им и невдомек, что государственную тайну разглашают. -

Предстоящий визит японцев вовсе его не радовал, ещё свежо было ощущение унижения и стыда, которое он испытал на предыдущей встрече с ними.

Тогда по одну сторону длинного стола для совещаний сидели человек десять представителей фирмы, все в разных должностях, но все одинаково одетые в серые элегантные костюмчики – спецовки и светлые сорочки. У всех были одинаково молодые и хорошо ухоженные лица, хотя возраст был, конечно, у всех разный. Одинаково из нагрудных кармашков торчали цветные фломастеры, которые тоже казались одинаковыми. Разными были только галстуки, выглядывающие из-под курточек.

Они непринужденно переговаривались между собой, курили длинные сигареты, шелкая диковинно красивыми зажигалками, просматривали, передавая друг другу альбомы в разноцветных, под кожу, обложках с тисненными золотом иероглифами, и бесстрастно рассматривали русских, сидящих по другую сторону стола.

Потом оказалось, что в этих роскошных альбомах в хронологическом порядке с японской аккуратностью собраны фотокопии наших, с привычной безответственностью составленных, графиков завершения работ и поэтапной передачи цехов под монтаж оборудования. Эти графики мы по первому требованию быстренько разрабатывали и вручали японцам по мере срыва и безнадёжного морального устаревания только что выданных.

То, что это было по меньшей мере легкомысленно и неосторожно, заметили несколько позже, уже в ходе совещания, когда с совершенно искренним, и одинаковым у всех русских участников изумлением, обнаруживали свои собственные подписи под графиками, которых никто из них не видел или, по крайней мере, не помнил. Некоторые при этом неизвестно в чей адрес даже укоризненно покачивали головой.

Нашу делегацию возглавлял заместитель начальника Главка Николай Иванович Шипунов, многоопытный строитель, худощавый седой человек предпенсионного возраста.

Старший из представителей японской фирмы на не очень хорошем, но понятном, русском языке вежливо упрекнул русских коллег за срыв всех графиков, а поэтому, по его словам, "наши специалисты находятся на свободе" и просил "отдать нашим инженерам работу".

Японцы, конечно, понимали, в чем причина, и вопрос ставили неудобно просто и прямо: когда же, наконец, будет добавлен "квалифицированный персонал строителей".

Николай же Иванович никак не мог дать такого же простого и прямого ответа, да и задача у него была другая, отговориться от неприятеля, поскольку никаких резервов "квалифицированного персонала" не было и взяться им было не откуда. Поэтому и вел он себя как дипломат, от которого требуют открытия второго фронта.

Он долго комбинировал выражениями вроде "примем немедленные меры", "разработаем дополнительные мероприятия", "усилим темпы", "войдем в откорректированные графики". При этом он сдержанно и очень убедительно жестикулировал и делал хорошо поставленные движения благородной седой головой.

Старший японец внимательно слушал русскую речь Николая Ивановича, глядя ему в грудь и согласно кивая, затем, повернувшись на стуле, так же внимательно и тоже кивая головой, выслушал переводчика. Потом, откинувшись на спинку стула и затянувшись сигаретой, сказал на своем не очень хорошем русском:

– Согласно нашего предыдущего опыта Советская сторона много обещает. Работа же идет, частично, неравномерно, без графика. Нам хотелось бы узнать, – продолжал он, медленно и тщательно подбирая слова и затягиваясь сигаретой, – когда, все – же будет увеличен персонал строителей. -

Николай Иванович сердится на непонятливого японца, хочет его перебить, но, все – таки, сдерживается и заключает совсем уже как дипломат:

– Я очень сожалею, но мне нечего больше добавить. -

Егорову было стыдно за эту вполне уместную и вполне привычную для внутреннего пользования демагогию, и за свою беспомощность, ведь это и его тоже называли "советской стороной", и за жалкие дипломатические попытки седого Николая Ивановича сохранить лицо.

Единственно, что советской стороне, наверное, удалось вполне, это оставить противную высокую договаривающуюся сторону в полном недоумении, что же действительно хотят эти русские и для чего они тратят такие огромные деньги, если, очень на то похоже, нормальное строительство завода не в их интересах.

Провожая вместе с Шипуновым японцев, Егоров не мог отказать себе в крохотном удовольствии отомстить им за правоту и некоторую надменность, вспомнив, как недавно такой же маленький и элегантный японец, один из шефов – монтажников, сорвавшись с конструкции, упал в глубокий железобетонный бункер и разбился бы насмерть, если бы по совершенно невероятной и счастливой случайности не попал прямо в грязевой приямок.

Японец был маленький и падал в положении сидя, а приямок был полон густой, как сметана, грязи. Попал он точно в центр, будто целился, только грязь выплеснулась. Потом его доставали оттуда, успевшего проститься с жизнью, перепуганного до потери речи, совершенно невинного и покрытого с ног до головы жирной блестящей грязью. Егоров усмехнулся и, посмотрев на прораба, именно он, тоже страшно испуганный, доставал тогда японца из грязи, сразу вспомнил его фамилию – Бородкин.

Конечно, этот лозунг во весь корпус официально и в письменной форме объяснял японским партнерам все, что они еще не до конца поняли или в чем сомневались. Егорову этого, ну, никак не хотелось. Да Бог бы еще с ними, с японцами. Но был еще Крайком партии, который мог усмотреть в этом лозунге все, вплоть до измены Родине, конечно, со стороны руководителей стройки и никак со стороны "спецконтингента". Выводы были бы немедленны и суровы.

С трудом дозвонившись до диспетчера, Егоров дал ему строжайшее задание хоть из – под земли найти гидроподъемник, попросил начальника стройуправления, которое непосредственно строило завод, лично проследить за ликвидацией лозунга и попытаться с помощью милиции найти авторов текста и исполнителей. Потом попросил директора строящегося завода найти предлог и не возить сюда сегодня японцев, так, для подстраховки.

Чуть поколебавшись, Егоров решил, что может считать свою миссию здесь исполненной, и решил все же ехать дальше, на Биохимический. Впереди было почти полтора часа дороги, и он не без удовольствия подумал об этом.

Глава 2

Если бы Егорова спросили, любит ли он свою работу, ту работу, которой он занимается уже два десятка лет, он наверняка ответил бы, что нет, не любит. Да и как ее, такую, можно любить. Разве что терпеть.

Вот раньше, когда он был мастером, прорабом и, конечно, моложе на двадцать лет, работа ему совершенно искренне нравилась. Ему нравились нигде не записанные его обязанности приходиться на работу раньше всех, чтобы успеть обойти стройку, посмотреть, не затопило ли где котлован, сняв перчатки, потрогать уложенный ночью и поставленный под электропрогрев бетон, теплый ли, потом садиться к телефону и звонить на бетонный узел, в автоколонну, снабженцам, каждому по своему и всегда неотложному делу.

Нравилось наблюдать, как собираются рабочие, поругиваясь, разбирают инструменты и выходят на мороз, запуская в бытовку клубы пара. И было хорошо, когда с утра, как по заявке, подавали бетон, приходили самосвалы под экскаватор, начинал двигаться, сигнала звонком, башенный кран.

Только самым началом своей трудовой жизни Егоров ещё застал на стройках, дорабатывающих последние годы и готовящихся к пенсии настоящих рабочих, трезвых, умелых и ответственных. Всех их он знал по имени-отчеству и только так к ним обращался. Они держали Егорова за ровню себе, относились исключительно уважительно и называли его, мальчишку, "Валентинычем". Егоров ужасно этим гордился.

В любом разговоре они сохраняли спокойное достоинство и обстоятельность, умели слушать и понимать. Даже тогда, когда возникал вдруг конфликт по самому острому вопросу, по зарплате, их аргументами никогда не были истерические выкрики, биение себя в грудь, мат или срывание шапок и бросание их на пол, как это всегда бывало в современных городских бригадах.

Инструмент у них, даже самый простой, был такой, что приятно смотреть и хотелось непременно взять в руки. Если это металл, то он чист и только что отточен. Если это дерево, то оно гладкое, блестящее, хватистое. Особенно нравились Егорову их топоры. Некоторым эти топоры перешли еще от отцов, и они, уже не молодые мужики, гордились ими и особенно дорожили. О "казенных" же современных отзывались пренебрежительно. Рукоятки у этих топоров были исключительно индивидуальные, у каждого по своей руке, и своей полированной поверхностью, гармоничными изгибами напоминали музыкальные инструменты.

Они брались за работу всегда не торопясь, основательно и спокойно. Человека к этому непривычного это могло поначалу даже раздражать. Но, если уж они взялись и сказали свое слово, то можно было не сомневаться, что работа будет сделана вовремя и сделана хорошо.

Как-то, в один из отпусков, Егоров был в Молдавии и посетил кишиневский базар. Ходил, с любопытством смотрел на непривычное для Дальнего Востока изобилие, все, что можно пробовав, спрашивал цену. Очень удивился, что обыкновенная квашеная капуста стоит два рубля с полтиной за килограмм. Такая же в хабаровском овощном магазине стоила от силы копеек тридцать.

Он попробовал эту чудо-капусту, она и вправду была необыкновенно вкусна. Но цена все равно смущала. Егоров хотел было выразить продавцу свое недоумение, тем более, что лицо его, круглое, бурое, изрезанное глубокими морщинами и заросшее седой неопрятной щетиной, не показалось ему симпатичным. Но тут взгляд его остановился на руках, которыми тот пытался дать сдачу покупателю. Рукам было неловко. Они были корявы. Ладонь представляла собой сплошную твердую мозоль. Толстые темные пальцы с ногтями, похожими на коровий рог, расплюснутыми и отполированными работой подушечками и глубокими трещинами между фалангами пальцев, никак не могли отделить нужную бумажку, пока заторопившийся

продавец не поплевал на них смущенно. Егоров тогда невольно посмотрел на свои, мягкие, приятно загорелые с удлинёнными розовыми ногтями и решил, что он не имеет права ни в чем упрекнуть человека с такими руками.

Прошлая зима для города была особенно тяжелой. Нет, природа ничего особенного не натворила. Те же январские морозы за тридцать, те же свирепые ветра с Амура. Но в этот год по каким-то жизненным законам накопленных вероятностей начали один за другим ломаться кое как отремонтированные летом котлы на городских ТЭЦ и рваться наспех залатанные теплотрассы. И, в довершение всего, эшелонами шел уголь, который не горел, а только выводил из строя оборудование, не уголь, а одна горная порода.

Зима казалась бесконечной, и город замерзал. Стали закрываться детские сады, школы. Были выселены первые начисто размороженные дома. Люди лихорадочно запасались печками-буржуйками и дровами. В окнах многоэтажек появились дымящие трубы...

День уже клонился к вечеру, как вдруг... Как вдруг коронка ямобура, который высверливал в мёрзлом придорожном грунте шурфы для установки электрических опор, встретила в земле препятствие, которым оказалась труба теплотрассы и которой здесь, если верить чертежам, никак быть не могло. Неумолимая и равнодушная она поскребла трубу и, чуть помедлив, преодолела преграду. Ударил мощный фонтан горячей воды. Ее поток пошел через трамвайные пути, через улицу. Клубы пара остановили все движение. Пробита была главная тепломагистраль, а на ней два микрорайона, сотни домов. А день еще больше склонился к вечеру.

Через десять минут на месте был начальник строительного управления, Михаил Федорович Панков, известный всему краю человек. Известный и тем, что давно этот город строил, и тем еще, что солдатом прошел всю войну и пришел с нее с незажившими ранами и тремя орденами солдатской Славы на груди.

Было около половины пятого вечера. Панков сразу оценил ситуацию. Дал задание помощникам отключить аварийный участок, а сам, не теряя времени, пошел к работающему неподалеку экскаватору дружественного субподрядного треста механизации. Двигатель экскаватора еще стучал, машинист стоял рядом и, глядя на клубы пара, вытирал тряпкой замасленные руки. Панков подошел, привычно представился машинисту, подал руку. Тот, улыбнувшись, сказал:

– Да я вас знаю, Михаил Федорович. -

– Ну, еще лучше, – сказал Панков, – видишь, что творится. Подъезд, раскопай нам это место. Как раз и наши аварийщики подъедут. Вода, видишь, из трубы уже не идет, перекрыли. -

– Ну, уж нет, – ответил машинист, уже не улыбаясь, – у меня рабочий день кончается. -

– Ты извини, тебя как зовут? Встречаю вроде часто, а как зовут, не знаю – спросил Панков, не реагируя пока на отказ.

– Виктор -

– Вот, Виктор, ты же видишь, работы здесь на десять минут. Помогите, пожалуйста. Ведь за ночь полгорода замерзнет. А тебе я тебе заплачу, не бойся. – В голосе Панкова, как он ни сдерживался, проскользнули униженно-просительные нотки. -Щенок, – думал он, злясь на себя за эти нотки, – еще просить тебя -

– Ну, ладно, -согласился машинист и, повернувшись к своему помощнику, приказал: - Подгоняй машину! -

Экскаватор поднял зубастую голову и подошел к месту аварии.

– А деньги, Михаил Федорович? – спросил машинист, глядя Панкову прямо в глаза.

– Да ты что? Тебе сейчас?! – изумился Панков, – где же я сейчас тебе возьму? Завтра привезу, лично. Скажи только, сколько. Слово даю. – И подумал: -А ты гад, оказывается, Виктор. Ах ты, гад какой. -

– Не-е-т, -протянул машинист, – нет. Вот, по пятьдесят рублей на гусеницу, наличными, а так не буду! -

– Ты что, мне не веришь? – изумился Панков, – ну, так хрен с тобой, – в душе у него поднималась злоба, – но ты же понимать должен, что в ночь пол – города замерзнет? А тебе дел – то на пять минут всего! – Он не мог и не хотел верить, что тот, действительно, не станет копать, человек, все – же.

– Нет, знаю я вас всех. Потом за вами набегаешься, – твердо сказал машинист и кивнул своему помощнику, – отгоняй, сливай воду! -

Экскаватор отошел. Зажурчала сливаемая из радиатора вода. Машинист с помощником тщательно, словно ожидая чего-то, вытерли паклей руки и пошли к остановке трамвая.

Прораб Панкова, молча стоявший все это время рядом и наливавшийся ненавистью, коротко и грязно выматерился.

– Я сейчас, Михаил Федорович, найду им, сволочам, деньги. – И убежал.

Панков сел в машину и стал звонить диспетчеру треста, экскаватор нужен был немедленно. Руки солдата дрожали, и пальцы не попадали на клавиши радиотелефона, его душило бешенство.

Прораб вернулся почти сразу, запыхавшийся:

– Где эти... гегемоны? – не стал ждать ответа и побежал к остановке трамвая. Машинист с помощником были еще там. Ждали, и, наверно, больше, все-таки, деньги, чем трамвая.

– Пошли. Я деньги нашел. -

– Сколько? – спросил старший.

– Сто. -

– Давай сюда. -

Машинист взял деньги, раздвинул их пальцами, как карты, убедившись, сунул их в карман и кивнул помощнику: – Пошли. -

Возвращались втроем. Дорогой прораб спросил машиниста:

– Слушай, а ты сколько зарабатываешь в месяц? -

– Да когда как, – ответил машинист, – в среднем рублей четыреста – пятьсот получается. -

– Это без калыма, как сейчас? -

– Ну, само собой. -

– Ну вот, а у меня оклад чуть меньше. Двести. И тебе сейчас я ведь свои личные деньги отдал – сказал прораб и сразу испугался, вдруг он этим все испортил.

– Искал бы тогда, кого подешевле. Каждому свое... А мне без разницы, чьи они были, раз теперь мои стали. – спокойно отозвался машинист, берясь за поручень экскаватора.

Под утро все было сделано, и тепломагистраль начали запускать. Подъехавший на место аварии немного позже Егоров и Панков сидели в одной машине у порыва, грелись и отдыхали. Держали и в срочном порядке собранных рабочих, мало ли что. Дважды за ночь приезжал первый секретарь горкома и, всякий раз заставая на месте Егорова и Панкова и удовлетворенный, видимо, этим, уезжал, не вникая в подробности и спросив только "когда запускаете?"

Егоров и Панков сняли шапки, забросили их к заднему окну и расстегнули шубы, дело было к концу и можно было расслабиться. Веселый, не по времени, успевший -таки выспаться в машине Алексей спросил:

– По пять капель? А, Валентиныч? – И не ожидая согласия, достал завернутые в газету колбасу и хлеб, потом заиндевевшую от холода бутылку водки и белые фаянсовые солонки. Егоров выпил солонку водки. Панков не стал, не пил совсем, а хлеба и колбасы взял.

Панков рассказал Егорову о своём разговоре с экскаваторщиком. Потом спросил:

– А ну, вспомните, Георгий Валентинович, его фамилия, Тимошенко, вам ни о чем не говорит? -

– Да нет, вроде. -

– А я вспомнил. Я недавно с ним на партийно-хозяйственном активе Главка в президиуме сидел. Это же наш маяк. Лучший экскаваторщик Главка по итогам прошлого года. Кавалер, к

тому же. Орден Ленина у него. И по партийным разнарядкам ему остался один шаг до Героя Труда. -

– У-у! Вот оно что, – сказал Егоров, – нет, я этого так не оставлю.

– Бросьте, Георгий Валентинович, ничего вы с ним не сделаете, только зубами поскрипите.... А он все равно останется при своих пятаках в месяц ...И в президиуме. Кстати, не обижайтесь, Георгий Валентинович, это уже ваше поколение, послевоенное. Шестидесятники. Или, вернее уже, восьмидесятники...

Да ладно... Вы мне лучше вот что скажите, время у нас есть. Почему так? Для того, чтобы человек мог даже на короткое время в другого человека перевоплотиться, в кино, например, или в театре, его долго готовить надо. К тому же ещё и талант нужен. И всё это ради пустяка. Ну, другого человека изобразить нужно, но человека же... А вот в скотину, а ещё хуже, в нелюдя, он превращается мгновенно, по самому мелкому поводу, и учить не нужно. Вы ничего не говорите, вы ещё молодой и знать этого не можете. Хотя...-

Егоров и не собирался ничего говорить. Он слушал.

– Не хочется войну поминать, да уж раз начали и время есть... В сорок втором мы от окружения убегали. Нам сам наш комбат так и сказал: бегите. Если успеете за два часа до деревни Клюковки добежать пока кольцо не сомкнулось, ваше счастье. Иначе либо смерть, либо плен. Мы и побежали. А до Клюковки до той тридцать километров по голой степи.

Вы, Георгий Валентинович, бегали когда-нибудь тридцать километров? А это ведь не просто пробежать, а от смерти убежать. Так вот, бежим мы, хрипим, всё побросали, оружие, конечно, в первую очередь, тяжелое оно, и много нас таких, сотни, а может и тысячи, кто знает. А самолёты немецкие из пулемётов на бредущем... Но не ложится никто. Бегут. Некоторые только головы руками прикрывают.

Сестричка с нами бежала... Ну, вы знаете, женщины на войне только офицерам доставались... Ранило её. В спину. Упала она, верещит, как заяц. А мы все – мимо. Хоть бы один остановился и помог. Да мало помог. Кто её узнавал, так успевал чуть попридержаться и обзвать ***ью, сукой или подстилкой, – и дальше бежать. А за что так? За то. Давала, да не им...

Глава 3

Государственный план, хотя он и закон, полон, тем не менее неожиданностями. Биохимический завод, который так вдруг всех заинтересовал, строился по этим самым планам- законам уже второе десятилетие. Идея же о его строительстве и вообще возникла лет тридцать тому назад, когда в округе было много легко доступного, а поэтому дешевого леса.

Пока идея зрела, проходила массу бюрократических согласований, пока облеклась в форму проекта, а потом еще лет десять ни шатко ни валко реализовывалась, лес в радиусе двести километров весь вышел. Не дремала и наука. Она открыла, что кормовые дрожжи из древесины и таинственный фурфурол, ради которых все и затевалось, не так уж и нужны народному хозяйству, а попросту не нужны вовсе. Продать же ненужное нам самим за рубежом – дело и вовсе бесперспективное.

Конечно, в московских кабинетах это давно поняли. Но это еще ровно ничего не значило. Должен был найтись человек, который вынес бы это понимание на свет, чем неизбежно принес бы самого себя и ближних своих по бюрократическому сословию в жертву. Такого человека, вполне понятно, не нашлось, как никогда и не находилось, и дело шло, как и надлежит ему идти в плановом хозяйстве, когда никто не надеется обрести на этом деле лавров, в соответствии с утвержденными ранее планами.

Для стройки это означало питаться остатками и влачить жалкое существование. При делёжке Госпланом ресурсов, впереди неё неизменно оказывались объекты, отмеченные в Государственном Плане некими тайными знаками, специальными постановлениями Совмина, а, ещё лучше, решениями Крайкомов и Обкомов, но, всего лучше, постановлениями самого ЦК. При всеобщем дефиците это обстоятельство было решающим, и без этих тайных знаков внимания верховной власти никакой "План – Закон" законной силы не имел.

Плановые, но обделённые персональным вниманием высшей власти объекты, всегда строятся вопреки здравому смыслу. На них всегда делается не то, что должно и что правильно, а то, что получается из скудных остатков ресурсов, то, на что хватило сил. Такие несчастные объекты всегда уроды по рождению.

Таким был и Дальнереченский Биохимический. Предыдущая вспышка имитации деловой активности была в декабре прошлого года. Тогда из самой Москвы пришла строгая телеграмма на красном правительственном бланке, которая требовала в недельный срок разработать "пусковой комплекс" завода и "мероприятия", обеспечивающие пуск его первой очереди через год.

Проектный институт "пусковой комплекс", конечно, разработал. Это был хороший документ, но, на взгляд строителей, не очень озабоченных тем, как будет работать завод после пуска, у него был один существенный недостаток – физически построить предусмотренное проектировщиками у строителей не было возможности совершенно. Строители стояли насмерть, непосильный "пусковой комплекс" не согласовывали и требовали сокращения. Проектировщики и заказчик своим интересом поступиться тоже не желали. Однако, приказ есть приказ, и после окрика из Крайкома партии каждый про себя решил, что дело все равно совершенно нереальное и пустое и нечего на него нервы тратить.

"Мероприятия", со множеством путанных и специально двусмысленных замечаний и оговорок, были разработаны, переплетены в пять красных книг с золотым тиснением, и Егоров, едва успевая на самолет, вылетел в Москву для их утверждения в двух Министерствах, заказчика и своем.

Он предполагал, что пока летел, Москва и Хабаровск обменялись телефонными звонками, и на очередной нетерпеливый вопрос Москвы "где же, наконец, "мероприятия", ведь все сроки уже истекли?" Хабаровск ответил, что они уже в пути и везет их лично управляю-

щий генподрядным строительным трестом. Учитывая это, Егоров прямо из Аэропорта поехал в свое Министерство.

В Министерстве он представился курирующему Дальний Восток заместителю начальника Главного производственно-распорядительного управления Агафонову и, не комментируя, положил ему на стол свои раззолоченные книги. Тот чуть удивленно глянул на Егорова, видно было, что он его не ждал, но умудренный многолетним опытом аппаратной работы не подал виду, взял верхнюю книгу, полюбовался золотым тиснением и стал неторопливо листать. Листал довольно долго, внимательно читал таблицы, разворачивал большие листы графиков производства работ и поставок материалов, рассматривал подписи на них, изучал. И, наконец, выработав, видимо, свое к этому отношение и бегло просмотрев последние страницы, осторожно спросил:

– Вас... кто послал? -

– Здравствуйте, – не удержался от небольшой невежливости Егоров, – как это, кто послал? – И, достав из кармана, подал красную Правительственную телеграмму.

Агафонов, не обратив внимания на тон Егорова, прочитал телеграмму, задумчиво потрогал себя за ухо, потом за губу, сказал:

– Ты посиди здесь. – И ушел.

Ходил довольно долго. Вернулся с делано озабоченным лицом и запахом только что накурившегося человека.

– Ты, вот что... – И дал Егорову под запись перечень отделов и управлений своего Министерства, потом, заглядывая в телефонные справочники, такой же перечень по нескольким Министерствам – субподрядчикам, всего штук тридцать. У них у всех Егорову нужно было побывать и получить на "мероприятиях" визы соответствующих начальников.

Егоров поблагодарил за помощь. Он по собственному опыту уже знал, что стоит даже одна виза в министерских кабинетах, а здесь целых тридцать, к тому же было совершенно очевидно, что в родном Министерстве его совершенно не ждали, что он будет только досаждать всем, и, следовательно, рассчитывать на чью-то помощь было бы просто наивно

– Застрял на месяц, -решил Егоров, взял в хозяйственном управлении направление в гостиницу и уехал, решив, что утро вечера мудренее.

Советская Москва всегда не любила приезжих и никогда не встречала их хорошо. На то были свои причины. Одна из них – уж слишком их было много, этих приезжих. И каждый, на взгляд москвича, какие бы не были официальные причины его приезда в Москву, в действительности приезжал только за тем, чтобы найти что-то и утащить это "что-то" к себе, в свою далекую, совершенно чужую и даже враждебную для каждого честного москвича провинцию, отняв тем самым у него, у москвича.

А утаскивать было что. И, прежде всего, это вожделенные для всей остальной России мясо и колбаса. А потом и одежда, и обувь, и детские игрушки, и даже карамель. Провинции казалось, что в Москве есть все. А иностранцы, приезжающие в Москву, были уверены, что здесь нет ничего. Поэтому хорошо, что в провинцию их не пускали, чтобы не травмировать их совсем уж до смерти.

Конечно, изо всего того, что в Москве было, она мало что производила сама, не пасла же она, к примеру, скот. Она вначале все отбирала у той же провинции или покупала за рубежом на деньги, полученные от продажи нефти, добытой все там же, и удовлетворяла прежде всего себя. Это и понятно, однажды партийное руководство объявило Москву образцовым коммунистическим городом, но без колбасы в магазинах никто бы в это не поверил.

Миллионы приезжих, вечно озабоченных и вечно что-то ищущих, совершенно изменили сам облик Москвы. Это они захватили московские аэропорты и вокзалы, половодьем затопили улицы, вытоптали и загадили скверы, это они создавали огромные очереди за чем угодно, в любое время и в любом месте. Причем, очередь возникала мгновенно и как бы ниоткуда, только

что здесь, как и везде, в разные направления бежали каждый по своим делам люди, и вдруг как будто кто-то включил огромный магнит, и в его поле они мгновенно построились, и уже каждый имел свое, совершенно определенное место и прочную связь с другими людьми, секунду назад совершенно ему не нужными.

Москвичи владели жилыми домами и учреждениями. Это уже они переполняли по утрам станции и поезда метро, автобусы и троллейбусы. А ехали они в учреждения, но, глядя на них, никто бы не подумал, что это жители единственного в стране образцового коммунистического города. Такие же невесёлые, безразличные ко всему, с самого раннего утра уже усталые лица, как будто это не они хорошо выспались и только что позавтракали на зависть для всей остальной России полукопченной колбасой по четыре рубля за килограмм.

Но, если кто доехал бы с ними до самого их учреждения и вошел туда, он был бы поражен, увидев, как из серых, усталых и одинаково с тобой не очень счастливых москвичей, как будто это была только одна маскировка, появляются и расцветают красивые, оживленные, неотразимые женщины, энергичные, обаятельные, остроумные мужчины. Так из непривлекательной, под цвет древесного сучка, куколки появляется к сроку бабочка с солнышком на каждом крыле.

Приезжие же владели улицами и магазинами. Это они потели под тяжестью огромных сумок, мусорили на улицах, толкались и отдавливали ноги, даже не подумав извиниться, хамили в очередях и рвали из рук друг друга все, даже не поглядев, что это. Это у них, подобно татуировке, на лицах было написано выражение опасения, что ему-то наверняка не достанется. Именно за это настоящие москвичи сильно не любили приезжих, а те, в свою очередь, так же сильно не любили москвичей, которых отродясь не видели и за которых они принимали своих приезжих соплеменников.

Москва мелко мстила приезжим за то, что они есть. Она засекретила все общественные туалеты города и построила для расселения приезжих настоящие резервации, вроде комплекса гостиниц на ВДНХ, с номерами на четверых и с удобствами, нет, все же не во дворе, а в конце коридора, а душем где-то в подвале.

Хорошо принимались только кровные родственники по партийно-советской номенклатуре. Но Егоров к ним не относился, а поэтому направление получил как раз в резервацию, в гостиницу "Восход". К администратору была огромная очередь. Егоров, который из-за разницы во времени уже почти засыпал на ходу, сел было в кресло с намерением подремать пока. Но к открытому всем ушам и глазам телефону-автомату, почти у него над головой, подошел один из ожидающих в очереди, сильно нетрезвый и одетый во все новое, как часто делают приезжающие в Москву провинциалы. Набрал номер, он закричал на весь вестибюль:

– Але, Том! Здравствуй, Том! Ага, это я! Целую тебя! ... А? Я? Под какими парами?! – он переложил трубку в левую руку, освободившейся правой поправил шляпу и принял более строгую позу, как будто его сейчас будут тестировать на трезвость, и продолжал, – я говорю, целую тебя! А? Да, из гостиницы, из прихожей! ... Да нет, я чуть- чуть только! ... Да ладно тебе! ... -он засмеялся мелким пьяным смехом, – целую тебя! -еще раз решительно крикнул он и, взяв микрофон трубки в горсть, звучно изобразил, как он это делает, – Пцу, пцу, пцу! -

Монолог очень развеселил Егорова своей простотой и искренностью. Уже проснувшись, он дождался своей очереди и получил у администратора пропуск с приложенным к нему рулончиком билетов в душ и еще другим рулончиком – билетами на пользование утюгом. Он хотел было спросить администратора, зачем ему столько, да ещё вперёд, но увидев, что с такими рулончиками отходят все, не стал этого делать.

Оглядев без всякого удовольствия довольно просторный номер с четырьмя кроватями и четырьмя тумбочками, чисто казарменная меблировка, он переоделся и пошел по длинным и грязным коридорам искать вход в подвал, где, как сказал администратор, был душ. Душ он нашел. Там его встретила очень домашняя бабушка с добрым круглым лицом, одетая в белый халат, толстые вязаные носки и шлепанцы.

– Вы в душ? – спросила она приветливо, – пятьдесят копеек. -

Егоров немного удивился и хотел было достать выданную ему администратором и оплаченную спиральку билетов, но опять не стал, обратив внимание на то, что на столе у доброй бабушки столбиками лежали монеты разного достоинства, а на штыречке, куда должны были бы накалываться билеты, их не было ни одного.

Без сомнения, администрация гостиницы план по помывкам выполняла, поскольку брала деньги вперед, и с чистых и с нечистых. Но у доброй бабушки был еще и собственный план, в выполнении которого она была заинтересована больше любой администрации, и она выполняла его неукоснительно.

Вернувшись в номер, Егоров поздоровался с уже появившимися тремя сожителями, лег и мгновенно уснул.

Утром, хорошо выспавшись, он надел свежую рубашку, галстук, оглядел себя в зеркало, остался доволен и, хорошо о себе думая, пошел в буфет.

Ни длинная, несмотря на раннее утро, очередь, ни медлительна, явно невыспавшаяся, а от того на весь свет злая, буфетчица настроения ему не испортили. Он терпеливо отстоял очередь, взял, что Бог дал, а лучшим из того, что он мог дать, были тугие и даже скрипящие под ножом сосиски, и сел неподалеку, лицом к буфету.

Пока он бездельничал в очереди, его кое-что заинтересовало в процессе кормления постояльцев. Решив досмотреть его до конца, он сел, пусть не очень удобно, но зато все было видно.

Первое, на что он обратил внимание, это то, как стояли весы. Должно быть, администрация и всякого рода проверяющие, наслушавшись жалоб обвешиваемых клиентов, строго требовали, чтобы весы были этому клиенту видны. Они теперь и были ему видны все время, пока он стоял в хвосте очереди, потом в ее середине, с этих позиций он мог с удовольствием видеть, сколько сыра отвешено первому в очереди. Но как только добирался до буфетчицы он сам, весы оказывались к нему совсем боком, поскольку были повернуты, должно быть, совершенно случайно, к хвосту очереди, и видеть, сколько чего взвешивается ему самому, он при всем желании не мог. У некоторых из тех, кто брал еду, возникало желание хоть глянуть на весы. Они бросали в их сторону скрытый, смущенный взгляд, пытались даже, как бы невзначай, сделать шаг назад, но шагу не хватало, и они, чувствуя себя очень неловко, смирялись. Такое расположение весов помогало буфетчице никогда не ошибаться и одним движением точно отрезать кусок чего-то, любого испрашиваемого веса.

Но это было далеко не все. Она склевывала свое законное зернышко везде. Хлеб отпускался поштучно, покусочно, из расчета двадцати кусочков из буханки. Она нарезала их не менее пятидесяти штук, этих тоненьких светящихся ломтиков, но продавала строго по одной двадцатой части цены буханки.

Если кто просил чай с лимоном, то получал и лимон, что напраслину-то возводить, но ломтик был толщиной с полиэтиленовую пленку. А, если кто просил кофе, он был, конечно, растворимый, то сам кофе насыпался тайно, под стойкой, а кипяток прямо у тебя на глазах. Но напиток был коричневым, точно.

Налоговый механизм, действующий как бы и тайно, но совершенно явно и очевидно, ни разу, пока Егоров ел свой завтрак, не дал сбой, и не давал, наверное, никогда, поскольку стоял на вызывающей наглости продающих и естественной стеснительности и провинциальной деликатности приезжающих. Никто не хотел выглядеть перед другими мелочным. Это срабатывало безотказно.

Глава 4

Утром следующего дня Егоров разнес свои золоченые книги по управлениям Министерства, чтобы все знакомились с ними одновременно, и просил по возможности ускорить рассмотрение, ссылаясь на то, что он очень издалека и что ему приказано все сделать быстро. Ничего конкретного ему нигде не пообещали, только слушали, согласно кивая, читали заголовки и, заглянув в книгу, откладывали ее на уголок стола.

Поторапливал министерских начальников Егоров еще и потому, что ему не очень хотелось, чтобы кто-то и в самом деле внимательно изучал его "мероприятия", столько там, под золочеными обложками, было противоречий, нереальных задач и обязательств по их выполнению, просто чепухи с точки зрения здравого смысла.

Самому ему в одном из отделов был выделен письменный стол ушедшего в отпуск сотрудника. Сделано это было, должно быть, для того, чтобы он никому не мешал и не путался все время у занятых людей под ногами, как всегда делает человек, у которого нет если уж не своего дела, то хотя бы места.

Делать Егорову было решительно нечего, книги он только что разнес и следовало дать хоть какую-то паузу, чтобы можно было снова идти поторапливать. Поэтому он устроился за столом, достал из сумки пачку из десятка свежих газет и стал их просматривать, заодно с любопытством наблюдая за работой одного из отделов "штаба отрасли", как тогда говорили, все более и более переходя в будничной жизни на военную терминологию.

Командной системе так было просто удобнее и привычнее. Поэтому Министерство и стало "штабом отрасли", на любой более или менее значительной стройке обязательно был "штаб стройки", а при нем "начальник штаба", какой-то объем работ назывался обязательно "фронтом работ", начальники "давали команды", старшие из них говорили младшим "доложите!", а младшие не имели права обсуждать приказы старшего, зато имели право втихую не выполнять ничего из строжайше приказанного.

Такая терминология была характерна не только для строителей. Большие начальники, с которых меньшие начальники всегда берут пример, газеты, радио с телевидением своими штампами сделали ее всеобщим достоянием. Егоров слышал однажды, как в репортаже из сельской глубинки журналист радостно известил, что в каком-то колхозе "зазеленела первая трава и крупный рогатый скот покинул "зимние квартиры".

Все газеты из купленной Егоровым пачки писали об одном и том же, и с одной и той же точки зрения, поэтому он очень быстро просмотрел весь десяток и было заскучал. Но очень скоро заметил, что делать нечего не одному ему, а всему министерскому отделу. Только их это не тяготило совершенно, а, напротив, казалось естественным и привычным.

Женщины о чем-то таинственно шептали в телефонные трубки. Слов разобрать было нельзя, но по отдельным междометиям, выражению лиц говорящих, по продолжительности и обстоятельности разговоров, можно было понять, что речь идет о чем-то очень-очень важном и сугубо личном. Иногда только непроизвольные жесты проясняли тему разговора, когда не занятая телефонной трубкой рука говорящей показывала нечто легким движением вокруг головы, касалась пальцами плеч, потом груди и делала плавные движения сверху вниз. Лица женщин в такие моменты были прекрасны и одухотворены.

Редкие служебные разговоры были сухи, предельно лаконичны, хорошо слышны окружающим и заканчивались обычно словами: "Нет, нет. Это в другом отделе. У нас таких данных нет."

Мужчин в отделе было только двое, начальник отдела, который явно мучился от вчерашнего перепоя, и его заместитель. На своих местах они почти не сидели. Они, наверно, чтобы не мешать своим коллегам-женщинам вести интимные разговоры, либо подолгу курили на лест-

нице, либо наносили визиты в смежные отделы и курили с их мужчинами и уже на их лестницах.

Через пару часов Егоров решил сделать контрольно-напоминающий обход отделов и управлений, в которые он разнес свои "мероприятия". В его книги, как и должно быть, никто и не заглядывал. Везде, очевидно, это было время было установлено для всего Министерства, уже пили чай, собравшись по-семейному все вместе за одним из столов.

Некоторые из женщин, взяв свою чашечку с чаем и положив на блюдечко что-нибудь съедобное, отходили к телефону и продолжали свои тихие разговоры. Мужчины за чаем долго не задерживались, выпив, уходили опять курить и обсуждать вечные проблемы отечественного футбола и хоккея. Работали, казалось, одни только девочки-машинистки, они были свои в каждом отделе, да и то не очень, чтобы интенсивно. Продолжая неторопливо печатать, они отламывали красивыми пальчиками от шоколадки или от тортика, лежащих у каждой на блюдечке слева, маленькие кусочки и отправляли их в рот.

Вдруг..., да, эти "вдруг" не обходят даже аппараты министерств. Вдруг раздавался телефонный звонок, не похожий на все другие. Это звонил аппарат прямой связи одного из заместителей Министра с начальником отдела. Все замирали, прекращали разговаривать и даже жевать. Начальник отдела, сделав рукой знак, требующий тишины и внимания, хватал трубку и начинал напряженно слушать, говоря время от времени:

– Хорошо... Так... Понятно... К какому сроку? – и делал при этом беглые заметки на первом попавшем листке бумаги.

Выслушав и бережно положив трубку, он, даже порозовевший от напряжения, заглядывая в листок, обдумывал записанное, потом собирал отдел и раздавал каждому срочные задания. После этого на какой-то промежуток времени работа в отделе как будто вскипала. Все сразу становилось чрезвычайно серьезными, начинали перебирать бумаги на столах и в ящиках, лихорадочно писать, звонить по телефону, бегать по смежным отделам, нигде, однако, не задерживаясь подолгу. Мужчины озабоченно и внимательно читали приносимые им их женщинами черновики документов, давали указания что-то изменить или дополнить, писали сами.

Через час небольшая пачка листов отдавалась на машинку. Машинистка начинала печатать, причем, оказывалось, что она умеет это делать быстро, и без шоколадки в одной руке.

Все, кроме начальника отдела, сразу успокаивались и садились пить чай, ругая, впрочем, сдержанно, эту совершенно невыносимую работу, вспоминая своих знакомых из других министерств, у которых "такой нервотрепки не бывает никогда".

Начальник отдела брал еще теплые, только с машинки, листки бумаги, прочитывал их, весь внимание, и аккуратно скалывал цветной заграничной скрепкой. В итоге получался внешне внушительный, но совершенно пустяковый по сути, разового употребления документ на нескольких страницах, который назывался "Справка о ходе строительства горно-обогательного комбината".

Начальник отдела клал его в красную папку с золотой надписью "На доклад", в высоких кабинетах любят красное с золотом, и лично нес на не для всех доступный этаж, где всюду были красные опять же ковры, коричневое благородное дерево на высоких панелях, пышные шторы на окнах, ни одного человека в коридорах и тишина. Здесь обитали небожители. Сам, это Министр, и несколько его заместителей. Начальник отдела отдавал папку помощнику, немедленно успокаивался и присоединялся к общему чаепитию в отделе и разговору об этой совершенно невыносимой работе.

Однако, была уже пятница. Третий день Егоров ходил безрезультатно из кабинета в кабинет и, теряя терпение, начинал кое-где даже возмущаться. На него не сердились, а, наоборот, мягко успокаивали и, усаживая пить со всеми чай, говорили: "Ну, что вы волнуетесь, Георгий Валентинович, замминистра, которому поручено рассмотреть и утвердить ваши "мероприятия".

тия" в командировке и будет только на будущей неделе. Вы зря нервничаете, попейте-ка лучше чаю, чай у нас замечательный, и езжайте в город. Вам что, ничего купить не нужно?"

Егоров не стал спорить и решил до понедельника отдохнуть.

Глава 5

В понедельник, с утра пораньше, Егоров поехал в свое Министерство, с неприязнью думая о своих золоченых и, оказывается, никому не нужных "мероприятиях". В отделе, едва успев поздороваться с оживленно обменивающимися воскресными впечатлениями сотрудниками, он сразу получил от начальника отдела совет, не теряя времени, съездить в Министерство заказчика.

– С ним все равно "мероприятия" нужно согласовывать. Только созвонитесь предварительно – сказал он и, пролистав несколько записных книжек, дал телефон начальника Главка Министерства заказчика, который занимался строительством Биохимического.

Ответили Егорову сразу. Приятный энергичный голос сказал:

– Да, слушаю вас. -

Егоров представился и пустился было в объяснения, справедливо полагая, что там его ждут еще меньше. Однако, он ошибся. Энергичный собеседник, едва начав слушать, прервал его:

– Что вы там делаете?! Мы вас давно все ищем! Приезжайте немедленно, и сразу ко мне!-

– Чего это вдруг меня ждут в чужом министерстве больше, чем в своём, – подумал Егоров, – раз я и в своем не нужен? -

Однако, быстро собрался и поехал, с трудом отобрав в одном из отделов своего Министерства книгу "мероприятий", не мог же он ехать с пустыми руками. Книгу теперь никак не хотели отдавать, говоря: "Мы как раз собрались ее рассматривать." Однако, потом, уступая силе, отдали, предупредив: "Ну смотрите, вам видней. Только не жалуйтесь потом, что мы не рассмотрели."

В вестибюле Министерства заказчика молодые сильные ребята из каких-то "органов" долго изучали его документы, выписывали пропуск и, наконец, пустили наверх.

Егоров долго блуждал по сложному переплетению коридоров и лестниц в поисках нужного ему кабинета, потом часа два после представления секретарю ждал приема в тесной и какой-то неправильной формы приемной, похожей на каморку под лестницей. Пока искал да ждал, отметил про себя, что и здесь у людей такие же спокойные, ничем не озабоченные лица, такие же неторопливые движения, такие же свободные позы и манеры, такие же универсальные темы для разговоров, по которым никак нельзя понять, какого же профиля это учреждение.

Наконец, его пригласили в оказавшийся неожиданно крохотным кабинет. Навстречу из-за стола с трудом вылез и сделал два шага вперед крепкий темноволосый и очень серьезный человек.

– Здравствуйте, -сказал он, крепко пожимая руку, – присаживайтесь, пожалуйста -, и сел на место, протиснувшись между столом и креслом.

Потом взял из рук Егорова книгу "мероприятий", положил перед собой и, укоризненно глядя на Егорова, сказал:

– Что ж вы так? Вам что, неизвестно, что это объект народно-хозяйственного значения? – Он постепенно повышал голос. – Или для вас постановления Правительства не имеют обязательной силы?! А?! -

Тон начальника главка, не соответствующий размерам приемной и кабинета, слегка удивил Егорова. Во-первых, Егоров был из другого ведомства и ему не подчинялся, а во-вторых, начальник главка по московским неписаным законам не та фигура, которой можно повышать голос.

Потом Егоров узнал, что он недавно был переведен в министерство с директорского поста из глубинки. Это, конечно, очень большое повышение, но на прежней должности он

имел огромный кабинет и такую же огромную приемную, был самым большим начальником в маленьком, но, всё же, городе, и мог позволить себе, и позволял, кричать на кого угодно.

Нынешний кабинетик и приёмная при гораздо большей должности смущали его и он как раз находился в поисках совершенно необходимой для новой для него аппаратной жизни гармонии.

– Вы что, не знаете, что заводом интересуются в Совете Министров и ЦК Партии? – продолжал он, с особым удовольствием и значением произнося последние слова.

– Конечно, знаем, – ответил не настроенный быть виноватым Егоров, – только первым документом в этих "мероприятиях", да вы посмотрите, лежит "пусковой комплекс", составленный и утвержденный вами, вернее, заместителем вашего Министра. Вы это и без меня понимаете, на нем все свои расчеты строим. А потом, – продолжал Егоров, – что-то вы, едва поздоровавшись, стали разговаривать со мной, как будто я у вас ... на партийном учете состою. -

Серьезный начальник главка и недавний директор завода молча выслушал Егорова, несколько секунд смотрел на него, моргая, и неожиданно рассмеялся. Чем Егорову сразу понравился.

– Действительно, что это я, – сказал он и стал читать золотые буквы на обложке. – Послушайте! А вы откуда? -

Егорову очень хотелось сказать, что он от верблюда, но удержался:

– Я вообще-то из Хабаровска. А перед вами "мероприятия" на строительство Биохимического завода, который в Дальнереченске. Это недалеко. Не отсюда, конечно, а от Хабаровска. -

Он уже понял, что с ним говорили, и по телефону и сейчас, принимая за кого-то другого, кого действительно ждали.

– А-а, вот оно что, – задумался начальник главка, барабанил по столу пальцами и поглядывая на Егорова, повернулся с трудом в тесноте к тумбочке с телефонами и сказал, – тогда подождите. -

Через минуту в кабинет вошли двое сотрудников Министерства, имеющих, как понял Егоров, непосредственное отношение к строительству его завода. Начался никчемный разговор, состоящий из упреков во многолетнем непонимании важности строительства, в систематическом невыполнении планов, договоров, обязательств, в обмане заказчика и даже самого государства.

Егоров был опытный строитель и на все подобные случаи жизни у него в запасе было множество совершенно неотразимых приемов сделать виноватыми за провал стройки кого угодно, кроме самого себя. К тому же конкретную обстановку он знал несравненно лучше. Поэтому несколько его реплик относительно срыва сроков выдачи проектной документации, плохого ее качества, недопоставках оборудования и "да вы же пусковой комплекс родили неделю назад, что -ж тут о пуске завода говорить" сделали свое дело, и стороны взаимные упреки исчерпали.

После этого говорить стали более определенно, и Егоров понял, что его "мероприятия" не могут быть подписаны заказчиком, так как в них не предусмотрено строительство многих, совершенно необходимых объектов, которые "буквально аннулированы строителями". Егоров же, к которому неизменно обращались "ваше министерство", и речи не мог вести о дополнительных объектах на многие миллионы рублей, так как даже те, что уже были заложены в "мероприятия", превышали возможности его треста втрое.

Начальник главка молча слушал, формулируя, должно быть, свое мнение, потом, хлопнув по столу ладонью, заключил:

– Да, наша точка зрения может быть только такой! Вы доложите об этом своему руководству.

И маленькая просьба, вы оставьте нам эту книжку "мероприятий", вопрос с Биохимическим становится очень серьезным, и я сегодня должен доложить обо всем этом своему заме-

стителю Министра. Сегодня. А вечером вы нам позвоните, мы скажем результат. У вас все? – и поднял трубку зазвонившего телефона, – Что? ... Да, у меня... – не очень уверенно сказал начальник главка, и потом опять Егорову: – Простите, я не запомнил вашей фамилии, – и опять в трубку: – Да, у меня он. Хорошо, передам. -

– Вот что, – продолжал он, повернувшись к Егорову, – приехал ваш заместитель Министра. Вас там все ищут, с ног сбились. Срочно езжайте к себе. Все понятно? -

Егоров немедленно поехал в своё Министерство. Там был как раз такой момент, когда работа вдруг вскипает. Нет, не то, чтобы во всем министерстве. Это не в возможностях заместителя министра, да и ни в чьих вообще, так попросту не бывает. Что бы не происходило в бюрократическом аппарате, всегда есть люди, которых ЭТО не касается.

Бурлили несколько отделов, имеющих прямое или косвенное отношение к строительству Биохимического завода в Дальнереченске.

Егорова встретили с некоторым даже раздражением. Оказывается, всем вдруг захотелось проработать с ним его "мероприятия", всем он стал нужен, но никто не мог сказать, куда он подевался. А начальник отдела, который и посоветовал Егорову поехать в министерство заказчика, не желая попадать никому под горячую руку, отмалчивался.

Заместитель начальника главка Агафонов, тот самый, к которому Егоров обратился по приезду, серьезный и озабоченный, изучал "мероприятия" лично. Хмурясь от раздражения, что Егоров только сейчас нашелся, он пояснил ему, что через два дня оба заместителя министерств, нашего и заказчика, должны докладывать в Совете Министров о ходе строительства Биохимического завода, вдруг ставшего кому-то нужным, и о мерах, принимаемых по его пуску. А Совет Министров, будто бы, имеет на этот счет прямое поручение самого ЦК КПСС.

– Замечательно, -обрадовался Егоров, – а то ношусь с этим заводом один я, как дурак с мероприятиями. -

– Садись здесь, – Агафонов указал на место за приставным столиком, – будем работать.

Пока Егоров рассказывал об обстановке на стройке и о позиции Министерства заказчика, от которого он только что приехал, а Агафонов сопровождал его рассказ ироническим хмыканьем, в кабинет входили и выходили работники различных служб Министерства, что-то спрашивали, уточняли, чему-то удивлялись и даже что-то предлагали.

Из этих визитов Егоров совершенно определенно понял, что об этой, теперь вдруг важнейшей стройке Министерства, в его аппарате ровно ничего не знают. Но это бы еще ладно, ничего не знать об отдельной стройке, в конце концов, их много. Некоторые не знали географии. О городе Хабаровске, краевом центре, все-таки, слышали почти все, но половина из них несказанно и искренне удивлялись что самолет летит туда больше восьми часов, а разница во времени составляет целых семь часов. Узнав такие новости, они даже с некоторым интересом и недоверием поглядывали на Егорова.

– Да, – сказал Агафонов, дослушав, наконец, Егорова, – разногласия серьезные, а с разногласиями никто в Совмин не пойдет, это исключено. Нужно искать компромисс. – И, подвинув к себе поплотнее телефон, стал звонить в неприятельский лагерь, Министерство заказчика, в его различные главки и службы, ища для этого компромисса почву.

Переговорил он со множеством людей, почти со всеми об одном и том же, говорил мягко, без нажима, собеседнику на том конце провода становилось очевидно, что его искренне хотят понять, но не всегда могут. Егорову было слышно:

– Конечно, технологию не изменишь... Мы понимаем... Продукт по-другому не получишь... Но ресурсы мы же получаем строго под план... Вряд ли Госплан пойдет навстречу... Конечно, конечно, но наш план подряда тоже не резиновый... Кто спорит, рост по сравнению с предыдущим годом должен быть, но не в пять же раз... Нужно, все же на вещи смотреть реально... Мы в этом меньше разбираемся, но... что-то, все же, можно подсократить... Такие объемы на голом месте, ни базы, ничего... Что раньше, что раньше... Раньше задачи

другие были... Я и не говорю, что вы виноваты... Нет, давайте, все-таки, в план укладываться... Сверх? А кто ресурсы даст под это "сверх"? -

Высокие договаривающиеся стороны были опытны, все понимали и знали, чем это кончится. И дело, под телефонные звонки катилось куда и всегда, к абсурдному компромиссу.

Наконец, Агафонов, наговорившись и наговорившись до одури, выписал на отдельный листок бумаги все самое важное из разговоров и засобирался доложить ход дела своему шефу, заместителю министра.

– А ты, – сказал он Егорову, – пока я хожу, прикинь, сколько и чего потребуется дополнительно, если придется принять восемь-десять миллионов сверх плана. Понял? И с места не двигайся. -

Ходил он долго. Видимо и там, на новом уровне, для торговли тоже требовалось время. Наконец, объявился, веселый, сказал удовлетворенно:

– Ну, все. Остановились на плюс десять миллионов. Хотя они, – он имел в виду министерство заказчика, – требовали тридцать... Давай садимся и срочно корректируем все "мероприятия". -

– А на чем эти десять миллионов? - попытался уточнить Егоров, – какие объекты, объемы? -

– А-а, ерунда, – отмахнулся Агафонов, – сейчас по телефону договоримся. Была бы цифра. А из чего она сложится, нам все равно. -

Егоров с Агафоновым лично, и не очень церемонясь с цифрами, откорректировали множество таблиц, расчетов, графиков, форм, по ходу дела отдавая готовое в печать и на размножение. Наконец, в руках у Агафопова оказалась аккуратная книжка в прежней золоченой обложке, но с другим содержанием. Он повертел ее в руках, полюбовался, сказал:

– Вот теперь они хоть куда, – имея, наверно, в виду, что теперь-то их можно показать в любой инстанции.

На следующий день утром "мероприятия" были подписаны обоими заместителями министров, к обеду без всяких проблем доложены в Совмине, откуда же проблемы, раз стороны договорились, а к вечеру один подписанный и с министерскими печатями экземпляр был в руках у Егорова, и он мог, наконец, с облегчением вздохнуть.

– Ну вот, теперь карты сданы, игра объявлена, – подумал Егоров, находивший в советской, строго научной, системе планирования сильнейшее сходство с карточной игрой, он имел на это полное право, поскольку был преферансистом, – теперь осталось поднять прикуп. Но это будет уже дома. -

Он имел в виду, что ближайшее время должно проявить действительное отношение обоих министерств и партийных органов на месте к заводу.

То, что "мероприятия" были подписаны обоими министерствами и даже доложены в Совмине не значило еще равным счетом ничего. Действовали еще какие-то таинственные силы, от которых зависело, будет ли завод действительно форсировано строиться, или будет влачит свое прежнее жалкое существование, сопровождаемое только шумовыми эффектами, единственная цель которых убедить кого-то неведомого, что из последних сил делается все возможное, но...

Егоров дружелюбно попрощался с теми, с кем общался при подготовке "мероприятий" и уехал на городской аэровокзал покупать билет на самолет решив потом еще пробежаться по магазинам хотя бы для того, чтобы составить себе перед домашними алиби. Билет он купил на удивление сразу, а в магазины ехать передумал, поскольку не надеялся оказаться где-нибудь первым очереди и не захотел портить себе хорошего от завершенного, хотя и не очень славного, но неизбежного дела, настроения.

Поэтому, купив по дороге и без всякой очереди пару галстуков, он заскочил за вещами в гостиницу и уехал в аэропорт Домодедово. Побродив по аэровокзалу, как всегда переполнен-

ному озабоченными пассажирами, взяв на дорогу пачку свежих газет и журналов, он решил, что еще вполне успеет хорошо поужинать, и поднялся в ресторан.

После толкотни зала ожидания здесь было чинно, тихо и пустынно. Егоров выбрал место у окна, устроился поудобнее и стал не торопясь листать журнал. Подошел официант, похожий на пингвина, вежливо выслушал, кивнул согласно на ремарку Егорова "коньяк – вперед" и ушел выполнять.

"Объявляется посадка на рейс двадцать пять Домодедово- Хабаровск" – сказала радио. Егоров залпом допил коньяк, расплатился и пошел на посадку.

Глава 6

Сразу после возвращения из Москвы Егоров докладывал о результатах поездки начальнику главка. Тот не очень внимательно, постоянно отвлекаясь на телефонные звонки, выслушал его и сказал: – Ну, молодец! – Потом велел оставить трест на одного из заместителей, немедленно выехать на Биохимический, в Дальнереченск, поселиться там, без права появления в Хабаровске, возглавить всю работу и ежедневно докладывать. – Помогать тебе, – добавил он, – со всей полнотой ответственности будет мой заместитель, Анатолий Александрович Узлов. –

Когда Егоров попытался убедить его, что одно его, Егорова, личное появление на стройке ничего серьезно изменить не может, что нужны самые решительные и срочные меры по укомплектованию стройки всем необходимым, и уже не на уровне его треста, а на уровне Главка, он, пресекая дальнейшие разговоры, отрезал:

– Вот вы там все это вместе с товарищем Узловым и решите. –

Егорову стало совершенно ясно, что начальник главка уже знает, что в прикупе, и тоже все понял. – Точно как в "Коньке-Горбунке" сказано про Иванушку-дурачка: "Молодцом его назвал и "счастливый путь" сказал. –

Он понял, что угодил в капкан, который рано или поздно захлопнется. Уже одно то, что начальник главка закрепил за стройкой Узлова, последнего в иерархии своих заместителей, открыло истинные намерения его самого относительно Биохимического.

Узлов, будучи заместителем по кадрам и быту, не мог помочь Егорову даже советом, тем более, что в этой ситуации он меньше всего в них нуждался. Нуждался же он в рабочих, технике, транспорте, материалах и конструкциях и еще во многом и многом, на чем стоит всякая большая стройка и в чем помощи ему оказывать никто не собирался. Конечно, Узлов будет регулярно ездить на стройку, будет, недовольно бурча, ходить по заводу, таская за собой и его, Егорова, а на вопросы о хоть какой-нибудь помощи отвечать, как уже однажды в сходной ситуации было: "Работать надо, товарищ Егоров, а не попрошайничать. У меня, сам знаешь, в арсенале ничего, кроме авторучки и матерщины, нет. Понял?"

Сложность положения Егорова заключалась в том, что его обширных служебных обязанностей, связанных с трестом, с него никто не снимал, да и не мог снять, но зато его лишали возможности заниматься ими систематически и по своему усмотрению. Право же спросить с него за любой другой объект треста и вообще за всё, что делается в этом большом хозяйстве, в любой нужный кому-то момент у его начальников, партийных и советских органов сохранялось в полном объеме.

А на Биохимическом он оказывался в роли заложника, его как бы назначали в жертву, которая будет принесена в нужный момент. Конечно, это было не так уж и страшно, по крайней мере, прямо не пахло кровью или тюрьмой, но снятием с работы, исключением из партии, фактическим, хоть и негласным, запретом занимать руководящие должности, пахнуть очень даже могло. А ведь Егоров ничего другого делать не умел.

Егоров понимал, что отправка его самого в Дальнереченск, закрепление за стройкой Узлова, давали начальнику Главка, человеку тоже подневольному, пусть и на более высоком уровне, хоть и маленькую, но отдушину, хоть небольшую, но паузу. Это позволяло ему некоторое время на вопросы о принимаемых мерах по усилению строительства Биохимического отвечать: "Да меры мы принимаем. Отправили туда для руководства непосредственно на месте управляющего трестом. Причем, отправили без права выезда. Закрепили за стройкой ответственного от главка в ранге заместителя начальника. Принимаем и другие меры. Думаем, дело будет поправляться."

Такого рода отговорка могла удовлетворить только очень наивного человека, такие люди еще попадались среди тех, кто имел право что-то спрашивать с такой значительной фигуры,

как начальник главка, но уже чрезвычайно редко. Но, и это вовсе не так уж и странно, она удовлетворяла и тех, кто все понимает, знает истинное положение вещей и настоящую цену такого рода отговоркам. Это было одно из правил игры, которому неукоснительно следовали все ее участники. Это был сговор ради общего интереса руководителей разного ранга, объединенных одной целью – выиграть время и не дать формального повода для серьезных к ним претензий в условиях, когда повлиять на ситуацию положительно реально никто не мог.

Эти люди понимали, что дополнительных ресурсов нет и взять их неоткуда. Как понимали они и другое: если задание исходит из партийного органа, Центрального Комитета КПСС или Краевого, то его можно было только без рассуждений принимать к исполнению, ибо ТАМ не ошибаются.

Секретарь Крайкома тоже принимал эту пустую отговорку, но вовсе не потому, что жалел кого-то. Сочувствие к кому-то и секретарь Крайкома никогда не ходят рядом. Просто он понимал, что если каждый раз снимать, то скоро никаких руководителей не хватит, а проблемы все равно останутся. Подчиненный ему руководитель был для секретаря Крайкома своего рода защитным ресурсом перед ЦК, который нельзя было расходовать безрассудно. Так ведь скоро и до него самого добраться могут.

Как-то Егоров был свидетелем очень характерного диалога. Он находился в кабинете секретаря Крайкома. Был самый конец года, и все готовились подводить его итоги. Позвонил первый секретарь горкома, ему нужно было посоветоваться, кого из руководителей домостроительного комбината, провалившего план ввода жилья, снимать с работы, начальника или главного инженера. Дело было привычное, даже житейское, и секретарь Крайкома не нашел даже нужным нажать на кнопку, чтобы отключить громкую связь.

– Так, кого снимаем, Геннадий Петрович? Вялкова или Аптекова? – спросил секретарь Горкома.

Развалившись в кресле и поигрывая карандашом, секретарь Крайкома отвечал:

– Вялкова! Аптекова! Какая разница. По мне хоть Аменхотепа. Лишь бы до первого успеть. -

Егоров понял, что секретарь не чужд истории древнего Египта.

А в этой, разворачивающейся вокруг Биохимической игре, Егоров был первой фигурой, которой сделали ход, и игроки получили паузу для обдумывания следующего.

В такой ситуации Егорову не оставалось ничего другого как попытаться еще раз переделить свои собственные, уже многократно поделенные и переделенные, ресурсы. Конечно, ничего умного в этой пере-дележке не было, но раз Биохимический теперь на всех уровнях значился как важнейший объект треста, невозможно было не начать с себя.

Четыре строительных управления из пяти, входящих в состав треста, располагались в Хабаровске. Все имели, так самым серьезным образом называемый, Государственный план и не имели под этот план ни рабочих, ни механизмов, ни материалов. Это тоже было совершенно неукоснительно соблюдавшимся правилом.

Зато все имели сверхплановые задания от райкомов партии по важнейшим объектам районов и от Горкома партии по важнейшим объектам города. Игнорировать эти задания было совершенно невозможно, ибо только от этих органов зависела личная судьба начальников строительных управлений. Но и это было далеко не все.

Помимо заданий по городу, все имели специальное задание Крайкома партии по сельскому строительству, выполнение которого свирепо контролировалось его строительным отделом.

Имели задания по ремонту и подготовке к зиме неведомо чьих жилых домов, поскольку коммунальные службы города с этим не справлялись. Все имели задания на отделку квартир в запланированных к вводу жилых домах организаций других ведомств, поскольку жилье вообще в последние годы сдавалось что называется всем миром.

Все имели закрепленные за ними поля с овощами или картофелем и должны были вести прополку, окучку, уборку урожая. Состояние полей время от времени, и всегда внезапно, проверял лично Первый секретарь Крайкома, и горе тому начальнику строительного управления, а они обязаны были лично встречать Первого в поле, если Первый находил поле заросшим травой или обнаруживал желтые, не вовремя собранные огурцы.

Все должны были посылать людей на выпечку хлеба, на разгрузку железнодорожных вагонов, на очистку проезжей части дорог и трамвайных путей ото льда и снега, на множество других дел, не имеющих к строительству ни малейшего отношения. И все это под страхом немедленного и неотвратимого наказания.

Все знали правила игры, тем более, что первым в очереди ответственным за непринятие мер, был Егоров, остальные же были до поры прикрыты им. Но Егоров не был овцой и тоже знал все это.

Поэтому, собрав начальников строительных управлений, он решил вначале попытаться их убедить, а потом, если потребуется, то и заставить, командировать на заведомо мертвый объект хоть какие-то бригады с прорабами. Но поскольку снимать этих людей нужно было с живых объектов, следовало найти возможность сделать эту рискованную операцию максимально безопасной для начальников строительных управлений, которым уже завтра кто-нибудь из секретарей Горкома или райкомов может сказать: "Да как вы посмели!" Договорились сделать это тихо, не информируя свои райкомы партии.

Однако, на следующий день, прямо с утра, позвонили все четыре начальника управлений и сказали, что секретари райкомов под личную партийную ответственность строжайше запретили снимать с ИХ объектов хотя бы одного человека. "Что делать?" – спрашивали начальники.

Егоров прекрасно знал, что даже самый категорический его приказ в этой ситуации не будет исполнен и попросил вмешаться начальника Главка и Крайком партии. Содействие в таких случаях оказывается очень и очень неохотно, и звонок Егорова и его просьба были неприятны и начальнику Главка, и секретарю Крайкома.

Начальник Главка буркнул "я тебе Узлова дал, вот с ним и решай", а секретарь Крайкома сказал, что "этим строителям ничего поручить нельзя" и что они "могут только сопли распускать". Однако, проигнорировать совсем звонок Егорова он не мог, все же объект особой государственной важности, секретари горкома и райкомов получили соответствующее указание и, скрипя зубами, смирились.

Партийные секретари, однако, жалоб на себя секретарям вышестоящим не забывают и не прощают, даже по вопросам чисто рабочим и, в сущности, даже пустяковым.

Это было, правда, уже потом, спустя полгода, но первый секретарь горкома нашел возможность напомнить Егорову кто есть кто и что можно по отношению к секретарю, а чего нельзя, и публично высек Егорова.

Был строгий порядок, что все руководители всего "народного хозяйства", от мала до велика, назначались на должность приказами своих вышестоящих организаций. Но это еще ничего не значило. Каждый приказ о назначении обретал силу только после его как бы освящения, после утверждения работника в должности соответствующим партийным комитетом.

Начальник цеха утверждался заводским парткомом, директор маленького заводика – райкомом, директор большого завода – горкомом, а директор краевого объединения – крайкомом. Директора крупных оборонных заводов и еще кое-кто утверждались в самом ЦК. Каждый партийный комитет имел свою "номенклатуру", так это называлось, и она в совокупности включала в себя всех начальников и начальничков страны и делала их полностью послушными воле партии.

Егоров по должности был "номенклатурой" горкома партии, и секретарь горкома вдруг вспомнил, что Егоров уже пять лет как ходит в управляющих трестом, не будучи утвержденным на его бюро, бывали иногда и такие умышленные и неумышленные недосмотры.

Он собрал заседание бюро, пригласил на него сотню руководителей города и срочно вызвал из Дальнереченска Егорова, который уже давно сидел там безвыездно, выполняя приказ Министерства и начальника Главка.

Секретарь горкома поставил Егорова на трибуну и предложил ему перед всем народом отчитаться, какие меры он собирается предпринять для усиления строительства объектов города Хабаровска.

Егоров проинформировал, хотя все знали это и без его информации, что трест связан Биохимическим заводом, который решением Совмина и ЦК КПСС объявлен стройкой народно-хозяйственного значения, что сам он командирован туда без права выезда, что он должен немедленно добавлять туда людей и другие ресурсы, и что никаких решительно возможностей для усиления работ на городских объектах нет.

– Отрадную картину вы нам тут нарисовали – сказал секретарь горкома – только зря вы пытаетесь оправдать свою бездеятельность и неспособность руководить решением ЦК нашей партии. Решения ЦК для нас святы, и, я думаю, что эту нашу позицию разделяют все члены бюро горкома и приглашенные руководители... А вы, товарищ Егоров еще и демагог, оказывается... Я думаю, это понятно и всем членам бюро. А, кстати – спросил он, готовя заключительную реплику, ради которой он всех и собирал, – где этот... Биохимический завод? -

– В Дальнереченске - ответил Егоров.

– Вот пусть вас тамошний райком и в должности утверждают. Мы этого делать не будем! - поставил победную точку секретарь горкома.

Но это было уже потом, а сейчас Егорову следовало выполнять приказ и ехать на поселение.

На следующий день, взяв с собой портфель со стандартным набором командированного и посадив с собой в машину не успевшего уехать вчера Оганесяна, главного инженера одного из своих управлений, он отбыл в Дальнереченск, успев-таки услышать на прощание от начальника Главка удивленное: -Как? Разве вы еще не там?! -

Они въезжали в пригородный поселок Корфовский.

– Георгий Валентинович, – попросил с заднего сиденья Оганесян – давайте потратим десять минут, заедем на здешний бульдозерный участок, узнаем, сумели ли наши мужики на бульдозерах подняться на сопку. -

В окрестностях поселка, на самой высокой в окрестностях Хабаровска сопке, тресту было поручено Крайкомом построить радиорелейную станцию и, конечно же, поскольку стройка имела идеологическое значение, в кратчайшие сроки. Занималось этим управление Оганесяна.

Крайком раздраженно торопил, время уходило, а строители никак не могли решить вопрос доставки конструкций на самую вершину сопки. Крутизна склона была предельной, к тому же глубокий снег, и машинисты бульдозеров наотрез отказывались туда подниматься.

"Мы не самоубийцы" – говорили они и, по всем инструкциям, были правы. Решить доставку конструкций вертолетами тоже не удавалось, дело было опасное, новое и дорогое. Своих вертолетов у Егорова, понятно, не было, а дать прямую команду вертолетному отряду крайком не решался. Но выход нужно было искать.

Поскольку терпенье в Крайкоме лопалось, вчера под личным руководством главного механика треста механизации на гору должна быть организована пробная бульдозерная экспедиция.

Подъезжая, Егоров и Оганесян увидели не просеке, которая уходила, казалось, вертикально вверх, к вершине, следы гусениц.

– Значит, заехали, – сказал Оганесян, – и, смотрите, с санями, – он указал на гладкий блестящий след полоза тракторных саней. Выйдя из машины и подойдя поближе, они увидели, что следа было два. Значит, бульдозер успел уже и вернуться. Правда, неизвестно, добрался ли

он до вершины. Наверно, всё-таки добрались, отсюда, от подножия сопки, просека на вершину не казалась такой уж вертикальной, как издалика, от дороги.

– Это уже хорошо, значит, завезем все. Один раз заехали, заедем и сколько нужно. – сказал Егоров, – поехали на бульдозерный участок, поговорим с машинистами, узнаем подробности. -

Участок был недалеко. Шеренгой стояли несколько вагончиков – бытовок, из трубы одного из них вился уютный дымок. Кругом заповедная тайга. Чистый пушистый снег на земле и на деревьях. Тихо. Пошли к вагончику с дымом. Около него в ряд, нож к ножу, стояли могучие бульдозеры, желтые чистенькие японские и черные, в потеках мазута, наши. Притихшие стоят, смиренные, как будто и вправду устали и отдыхают.

– Что за черт, – сказал Егоров и глянул на часы, – рабочий день ведь. Александр Борисович, а сколько времени? Может, у меня часы врут? -

– Не врут, не врут, Георгий Валентинович. Половина четвертого, еще полтора часа до пяти. -

– Ничего себе, – весело сказал Егоров, – рано шабашить даже по нашим меркам. А ведь это карьерные машины, работа у них никогда не кончается, рой себе землю, да рой... А директор карьера ведь подошвы стоптал, выпрашивая в главке дополнительные бульдозеры. -

– Да вы посмотрите, – показал Оганесян на замерзшие уже лужицы воды под бульдозерными радиаторами, – они уже давно воду слили и стоят, раз горячая вода замерзнуть успела. -

– Ладно, пошли знакомиться, – сказал Егоров.

В вагончике было накурено, грязно и очень жарко от пылающей в углу чугунной печи. За длинным столом, сбитым из досок, на дочерна испачканных мазутом скамьях сидели человек восемь мужиков. Разного возраста, но, как на подбор, крупные, толстые, рукастые. Неторопливо курят. Четверо играют в домино, непременно стучая костяшками аж из-за плеча, остальные лениво, без интереса, наблюдают.

Егоров с Оганесяном поздоровались. Те, которые сидели лицом к двери подняли глаза, но ответил только один. Остальные не повернулись.

Егоров, еще захвативший, как сам он говорил, самый конец "золотого века", когда на производстве нельзя было не работать, сам воспитанный в этом духе, терпеть не мог сидящих на работе, как здоровая собака не может равнодушно видеть бегущих. Рабочие были не его, треста механизации, но он не удержался:

– У вас тут, я смотрю, порядок, – похвалил он, кивнув на домино, – сыграете ровно два тайма по сорок пять минут, и будет уже пять часов. И рабочая совесть не будет беспокоить -

– Да нет, Георгий Валентинович, – включился в разговор Оганесян, – они давно бы разошлись, да автобуса ждут в город. А он будет только в пять. Точно, мужики? -

Никто из сидящих на эти обидные для рабочего человека реплики не отозвался. Сказать по существу было нечего, грубить же не следовало на всякий случай, мало ли кто это зашел.

– Ну, ладно, – сказал Егоров, отодвинув рукой одного из играющих и садясь на край черной скамьи, – скажите тогда, кто ездил на гору и как туда дорога? – И обвел глазами сидящих.

– А ты сам-то кто будешь, начальник? – спросил один, не поднимая глаз от костяшек домино в руках. Егоров назвал.

– Ну, я тогда, – сказал тот который спрашивал, положив лопатообразную ладонь с костяшками домино на стол.

– Тогда расскажите, пожалуйста, как дорога, когда выехали, когда вернулись, сколько груза было на санях? -

– Как ехал? – Бульдозерист бросил костяшки на стол. – Да так, что больше не поеду. Пусть враги мои туда едут! Четыре! Четыре раза разувался! – он даже показал четыре растопыренных пальца на правой руке. – Это в снегу – то! На таком морозе! – Он начал нервно повышать голос. – И, если бы не этот мальчик... – Он кивком головы указал на здоровяка напротив,

который безучастно лежал на сложенных на столе руках. – Я бы, может и не разговаривал бы с вами сейчас. –

При этих словах тот, кого называли мальчиком, поднял голову, но ничего не сказал, лицо его не потеряло сонного выражения.

Егоров не очень поверил в "больше не поеду!», он узнал то, что хотел, что дорога туда есть, ехать можно. А дело уже совсем в другом: сейчас начнется привычное вымогательство, тем более, что рабочий класс у нас, когда ему нужно, грамотный и все знает, как знает и то что, что Крайком их начальством сильно недоволен за затяжку строительства радиорелейной станции.

– Хорошо, хорошо, – сказал Оганесян, – мы все поняли. Сколько? –

– Сколько, сколько, – успокаиваясь и уже обдумывая, чтобы не продешевить, начал бульдозерист, – по полста рублей вот сюда, под камень... – Он похлопал тяжелой ладонью по грязной крышке стола и подтвердил, – под камень. За одну езду. Каждому. Ездить будем парами, иначе нельзя. По очереди, все. – Он показал глазами на всех сидящих за столом. – Если ты, начальник, согласен, мы тебе все, что скажешь, завезем и не такую гору. –

– Ну что, Александр Борисович? – спросил Егоров, – тебе платить –

– Да что тут торговаться, – ответил Оганесян и повернулся к говорившему, – ты бригадир, наверное? –

Тот кивнул.

– Собери ото всех заявления о приеме на временную работу в наше управление? Знаешь? Завтра придет наш начальник участка, я ему все расскажу. Все дела – с ним. Но завтра и начинать. Договорились? –

– А почему не договориться, – улыбнулся бригадир, – раз люди хорошие. Завтра и начнем. Не бойсь, начальник. Только... расчет за каждые десять ездов. Договорились? –

– Ладно, куда от вас денешься, раз люди такие хорошие. –

В машине Егоров и Оганесян некоторое время молчали, будто опасались, что бульдозеристы их подслушают, да еще и передумают ездить на гору. Когда отъехали подальше Оганесян на заднем сидении зашевелился, и Егоров услышал:

– Ухватили кота поперёк живота. Это я про себя... Вы на морды их, извиняюсь, лица, посмотрели? Чисто разбойники у большой дороги. Притаились, кистенями поигрывают и ждут пока купец на дороге не покажется. А мы тут как тут. –

Глава 7

Остановились у конторы местного, Дальнереченского, строительного управления, которое тоже входило в состав треста Егорова. Прежде чем войти в здание, Егоров подошел к большому красочному стенду перед входом с названием, исполненным большими красными буквами, "ЭКРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ". Хотя экран был ежемесячный, итоги соревнования были подведены и вынесены на экран в последний раз четыре месяца тому назад.

– Зря это они – про себя отметил Егоров, – скоро здесь от всякого рода гостей и проверяющих отбоя не будет. -

Начальник управления Василий Семенович Яровенко был на месте. Они дружески поздоровались. Яровенко сразу же вызвал секретаря:

– Оля, позови, пожалуйста, Людмилу Иосифовну и приготовь чай. Понятно? – Говорил он с неистребимым украинским акцентом, хотя всю жизнь прожил на Дальнем Востоке.

Как-то, выйдя из зала заседаний бюро своего райкома, где отчитывался за заготовку сена, на вопрос коллег- районных руководителей, ожидающих своей очереди, он ответил скупо:

– Та шо, там же-ж всегда одно, или сымут или сключат. -

Это его "или сымут или сключат" стало народным фольклором, и даже сами партийные работники так посмеивались над собой в очень узеньком доверительном кружочке.

Вошла Людмила Иосифовна, главный инженер строительного управления, единственная женщина в главке, а, может быть, и во всем министерстве, на такой должности. Протягивая руку Егорову и улыбаясь сказала:

– С приездом, Георгий Валентинович. Судя по портфелю, вас нужно устраивать на ночевку, причем, не на одну. Правда? ... И Александр Борисович здесь, – подала она руку Оганесяну, – а вчера еще Севидов с Касичем приехали...И Шестаков... Вы что, всерьез, что ли? Глядишь, и строить начнем!

Егоров не говорил пока ничего, слушал и улыбался. Ему было искренне приятно видеть этих людей.

В кабинет Яровенко зашли приехавшие вчера главные инженеры еще трех строительных управлений. Егоров подробно рассказал обстановку.

Первым заговорил Оганесян:

– Это все нам понятно. И что нужно. И что важно. Даже то, что жить здесь придется, и то понятно, хоть и не хочется... Но где людей брать? Не хотят ехать ни в какую. А чуть надавишь, сразу стук, в райком. А как городские райкомы к этой стройке относятся, вы знаете...Люди нужны, Георгий Валентинович. Все, что мне удалось собрать и привезти, это два десятка... Да и что это за народ, сброд один, извините за выражение. Поехали потому, что им все равно, где не работать, но здесь еще командировочные идут. -

– Да, – согласился Егоров, – Техникой и транспортом начальник главка обещал помочь. Конструкциями и материалами тоже. А вот людьми... На сегодня есть два источника. Первый, это расширить здешнюю спецкомендатуру из расчета на пополнение ее, а, стало быть и нас, условниками. А это, вы понимаете, не плотники-бетонщики, а воры и бандиты. Но что делать. Расширять комендатуру будет Яровенко.

И второй ...источник. Здесь есть ЛТП, лечебно-трудовой профилакторий. Да, да! Чего вы на меня уставились? Алкоголики это, кто ж еще.... Для тебя, Виктор Александрович, – обратился Егоров к Севидову, это особенно важно. Твое управление будет строить очистные сооружения, это за поселком, на отшибе.

Начинай со строительства зоны вокруг всего объекта. Да, да, натуральной лагерной зоны, как для заключенных. С колючей проволокой, вышками и так далее.... Требования для них у

УВД точно такие же... Рассчитывай человек на триста... Правда с большими оговорками на их полноценность. -

– Построю я очистные сооружения алкоголиками, как раз – задумчиво сказал Севидов.

– Построим, построим, – сказал Егоров, другого варианта все равно не дано. Придется работать с теми, кого Бог дает, а не с теми, с кем хочется. Начальство-то себе не тоже выбираешь. Вот и тут приспособимся... Ну, вот, на сегодня все. Завтра в семнадцать первый штаб. Думайте. На штабе доложите свои предложения... Еще раз хочу напомнить, что все происходящее, хотя оно нам не сильно нравится, неизбежно, – и подчеркнул еще раз, строго неизбежно!

Распрощавшись со всеми, Егоров уехал в импровизированную гостиницу, специально для таких случаев зарезервированную квартиру из четырех комнат, где он решил устроить что-то вроде общежития для приезжих руководителей и где, раз такое дело, собирался жить сам.

Глава 8

В половине восьмого утра следующего дня он вместе с Яровенко уже были в спецкомендатуре, где жили около тысячи человек условно- осужденных или, как их чаще называли, "химиков". Работали они в основном у Яровенко.

Минут десять они постояли на проходной, ожидая, когда рабочий класс начнет выходить на работу, но никто не шел и, казалось, не собирался. Дежурный лейтенант в форменном кителе с погонами и значками на груди и в синих, донельзя гражданских трикотажных брюках с шикарными белыми лампасами спокойно читал книгу и на вопрос, почему же еще никто не вышел через проходную, хотя уже скоро восемь, ответил удивленно:

– Так рано же еще! -

Егоров попросил его позвать на проходного начальника спецкомендатуры, но услышав в ответ, что "он будет к девяти", решил, не ожидая его, пройти по комнатам.

Общезитие нехотя, медленно просыпалось. Из комнат слышался тяжелый утренний кашель, скрип железных кроватей. Там еще только-только вставали. По коридорам бродили заспанные, разного возраста, но все одинаково малосимпатичные люди в сапогах и трусах.

Егоров и Яровенко без лишних церемоний отворяли двери в комнаты, входили. Кое где им мрачно и безразлично говорили, "стучаться надо, начальник", они соглашались.

А жильцы включали электрические плитки, ставили на них кто грязный и мятый чайник, а кто и просто консервную банку, готовились варить утренний чифирь. На многих кроватях, заваленных хламом, в самых разнообразных позах еще спали люди. Они были и совершенно голые, с мужским достоинством наружу, и совсем одетые, и даже в сапогах. Воспаленные рты. Смрадное дыхание. На столах, на тумбочках, на полу и даже на кроватях пустые бутылки, ломаные куски хлеба, обрывки и комки промасленной бумаги, зловонные консервные банки, набитые окурками, селедочные хвосты и головы, густой перегарный запах, мерзость. Столы, табуретки, тумбочки, все ломаное, безногое. Двери разбиты, видно, что их много раз открывали топором или ломом. Обои заляпаны томатным соусом и мазутом, ободраны и висят клочьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.